

Школа: что делать детям, родителям и учителям во время реформ?

Школа стала бытом, как поход в магазин, и мы о ней не думаем, пока она не становится для нас проблемой. Сегодня школа – проблема для детей, которые ощущают школу, как некий анахронизм, не имеющий отношения к той реальной жизни, которая бушует на их компьютерах, на экранах ТВ, в их наблюдениях за реальным миром. Зачем она? Она – проблема для родителей, которые всегда виноваты в том, что у них «не такие дети», что у них не хватает денег платить везде и за все, словно их ребенок – роскошь, обложенная непосильным налогом? За что их наказывают? Школа – проблема для учителей, которых из педагогов переквалифицируют в бюрократов, обязанных вместо живого общения с детьми считать баллы и заполнять формы. Как учить в таких условиях? Школа – проблема для университетов, которые вынуждены адаптировать свои программы для выпускников школы с высокими баллами ЕГЭ, но не имеющих образовательной базы для восприятия знаний, которые 10-15 лет назад не были проблемой для первокурсников. Как их учить дальше?

Для начала, надо не трепать друг другу нервы, потому что они не восстанавливаются ни у детей, ни у родителей, ни у учителей. В психологии есть понятие «короткое замыкание угрозы», которое пригодились бы при обсуждении проблем школы. Открыто это явление было так: 20 человекам показывали фильм, в котором человек, нарушивший правило техники безопасности, попал под циркульную пилу... На экране вопли, брызги крови, отрезанные руки, а у зрителей в зале останавливается дыхание, пульс за 150, даже «медвежья болезнь». А другой группе зрителей объясняют, что в фильме играют и кричат актеры, вместо крови – красная краска, руки отрезаются у манекена: и ничего – зрители спокойны, никто не обмочился и дыхание у всех ровное. Знание того, что происходит на самом деле – это и есть короткое замыкание угрозы. При таком подходе о школе можно думать спокойно.

Чтобы не говорили, школа – прекрасное явление, и ее надо воспринимать именно так. Хотя, конечно, у родителей, чьи дети или идут в первый класс, или собираются сдавать ЕГЭ – наступает беспокойное время. Непрерывные изменения в требованиях к школе и к ученикам можно рассматривать, как специальный предмет, который поважнее математики. Наверное, имеется в виду, что кто выдержит школьные изменения, тот выдержит потом любые изменения в нашей жизни. Когда родители сами учились в школе, все было не так: и учили не тому, и требования к знаниям были другими, и в школу записывались не так и т.п. И время сейчас лихое, страшно отпускать ребенка одного, почти везде его надо сопровождать, а далеко не у всех есть такая возможность. Это много труднее, чем было, когда я сам записывался в школу, в 1949 году.

Как это было тогда. Мне было шесть лет, когда мои старшие товарищи по двору (пятиклассники), взяли меня с собой в школу на празднование Нового, 1949 года. Странно, что меня пустили в школу, а ее директор, Айдаркин, даже погладил по голове. Помню, что в огромном спортивном зале школы стояла высоченная елка, я сидел на натертом до блеска полу перед первым рядом, вдыхая запахи ели, воска, свежей краски, и смотрел спектакль, которые играли вокруг елки старшеклассники. С этого момента школа стала

для меня сияющей сказкой среди блокадных развалин и тропинок Новой деревни, я в нее влюбился. Поэтому, уже в августе, я, никого не спросив, один, сам пошел записываться в школу. В приемной комиссии школы моему наивному появлению не удивились, а сказали, что нужна моя метрика и справка из поликлиники. Родителей дома не было, я нашел дома свою метрику, пришел в поликлинику, и сказал, что мне нужна справка для школы. Надо заметить, что тогда я не доставал носом до окна регистратуры. Но справку мне дали без лишних вопросов. Все это я принес в школу, и получил новенький комплект благоухающих учебников, как ученик 1-а класса 63 школы Ждановского района Ленинграда. Вечером родители ахнули. А школа оправдала мои лучшие ожидания. Все, что я сейчас – это она, 63 школа. Мы становимся такими, в какую школу ходили. И сегодняшние первоклассники будут повторять в своем поведении то, что унесли из своей школы.

Школа сегодня такая же, и учителя не хуже, чем были в мое время. По разным причинам мне пришлось близко познакомиться с пятью школами города и их учителями, чтобы в этом убедиться. Но жизнь у школы ужасная, ее буквально замордовали требованиями «все изменить» и «за все отчитываться». Вместо того, чтобы учить и воспитывать, школа вынуждена заниматься множеством несвойственных ей вопросов, что впору нанимать собственных юристов, адвокатов, экономистов, айтишников, статистиков. Мне кажется, что времени и сил на работу с детьми у учителей остается все меньше и меньше. Тем не менее, школа работает. Конечно, школы и учителя встречаются разные, но так было всегда, это жизнь. Что это значит.

Во-первых – мы не можем повлиять на реформу школы, как не могли повлиять когда-то на коллективизацию, приватизацию и т.п. Проблемы сыплются на школу и родителей, как снег, с самого Олимпа политической борьбы, где идет схватка не на жизнь, а на смерть (говорят, между либералами и консерваторами). И те и другие выступают от имени, якобы, педагогической науки, а по сути – используют ее в политической борьбе за то, какими будут наши дети, что они будут знать и понимать? При этом от родителей и учителей требуют «Пойти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что?». Все дело в том, что политическая борьба всегда сводится к борьбе за следующее поколение. На нас уже не обращают внимания – мы уже в истории. Потому что любая политика функционирует только тогда, когда опирается на новый тип человека, которого ей удалось сформировать из детей. В тридцатые годы XX-го века в СССР формировали один тип человека, в Германии – другой, в Англии – третий, в Камбодже четвертый и т.д. Сейчас в России формируется новый тип человека. Какой? В наши дни, через годик-другой может случиться, что мама будет называться «родитель 1», а папа - «родитель 2», а вместо мальчика или девочки будет «человек без пола». Но это вопрос для выборов, на которые родители, как правило, не ходят. Не интересуются, не ходят, и поэтому получают опять много неожиданностей.

Во-вторых, паниковать не стоит, потому что все точно то же переживали наши прадеды, деды, родители. Даже недавно, в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы прошлого века школьная подготовка детей была предметом ожесточенной политической борьбы на самой вершине государственной власти. Дело в том, что государство – это «фабрика» по воспроизводству людей в нужном количестве и заданного качества. Именно на нее работают все государственные системы: финансовая, промышленная, оборонная, культурная. Все эти

системы только для того, чтобы обеспечить сохранение и воспроизводство жизнеспособного и работоспособного населения страны: есть население – есть страна, нет населения – нет страны. Накал этой борьбы вокруг того, чему и как учить в школе, был столь высок, что акад. Ананьев Б.Г., у которого я начинал учиться, получил три (!) инфаркта, из них два - после заседаний Президиума Академии педагогических наук СССР. После третьего инфаркта он умер 18 мая 1972 года. После его смерти ввели обучение в школе с шести лет, изъяли учебники Киселева, Перышкина, Рыбкина, Бархударова и многое другое. Кто учил и учился тогда помнит, что это было такое.

В третьих, педагогика всегда была полем сражений во всем мире: достаточно вспомнить дискуссию Дж.Локка («Опыты о человеческом разуме») и В.Г.Лейбница («Новые опыты о человеческом разуме») времен 1660-1670 годов. Еще со времен Петра Великого, кстати, знакомого с Лейбницем, и по проектам Лейбница открывшего в России Академию наук и Университет, в России была принята система германской педагогики, которая была продолжена отечественными педагогами вплоть до советских времен. Что происходит сегодня? По политическим причинам идет демонтаж всего советского, том числе, и советской педагогики. Короче, в основе нынешних проблем детей, родителей и учеников стоит замена советской педагогики (германской педагогической школы «человека воспитывающегося»), на внедряемую в современной России англосаксонскую педагогику «человека обучающегося» (Болонский процесс). Последние российские учебники по педагогике для педвузов посвящены только «человеку обучающемуся» (homo educandus). Поэтому из теории и практики школы неявно, но практически изымается воспитание, по поводу которого И.Ф. Гербарт говорил, что: «обучение без нравственного воспитания есть средство без цели», спрашивая при этом: «что толку исследовать звезды, не зная собственного сердца?». Учителям же на практике приходится заниматься воспитанием, пытаюсь не пустить на порог школы матерщину, порнографию, жестокость, бесчеловечность, ломящуюся туда с улицы и с экранов компьютеров и телевидения. Иначе, им не научить ни математике, ни физике, вообще, ничему.

Главное. В этих условиях, у родителей остаются свои обязанности, которые являются вечными, и выполнять их надо, чтобы не происходило в стране и в мире. Хоть потоп. Оправданием родительских страданий и учительских мучений будет сформированный ими Человек, прежде всего, а потом знаток школьной программы. Именно человечность будет единственной защитой детей от всех житейских опасностей, и мы хотим, чтобы ему в жизни встречались человечные люди, и чтобы он оказался человечным, когда мы станем беспомощными. Правда сегодня уже мало кто говорит другому: «Да будь ты человеком!», говорит о другом: «он очень человечный», или квалифицирует злодея, как «бесчеловечного» и т.п. Но с уходом из обращения этих слов и этих качеств, уходит и реальная человечность. Это не случайность: при обсуждении реформирования школы, редко упоминается слово Человек, словно оно автоматически прилагается к ребенку сразу после рождения или сдачи ЕГЭ. Это совсем не так. Об этом много лет назад я слышал от акад. Ананьева Б.Г., который объяснял нам подоплеку педагогического процесса.

Он утверждал, что истинная и главная цель школьного образования – Человек, которая детально описана в книгах и в опыте классиков российской педагогики. Он говорил, что российские педагоги сформировали Человека в лице выпускников своих школ: ученых,

полководцев, инженеров, крестьян, которые создали все то, чем мы живы до сих пор. В интернете есть в свободном доступе книга К. Ушинского «Человек как предмет воспитания» (1867), которую очень полезно почитать всем, как инструкцию для воспитания детей в современных условиях. Если бы К.Ушинский включился сегодня в дискуссию о школе, то он повторил бы снова: *«...убеждён, что, будь Павел Иванович Чичиков посвящён во все тайны органической химии или политической экономии, он останется тем же, весьма вредным для общества пронирой. Переменится несколько его внешность, примет другие манеры, другой тон, замаскируется ещё больше, но останется всё тем же вредным членом общества, даже сделается ещё вреднее, ещё неуловимее».*

Акад. Б.Г. Ананьев, продолжая традицию К.Ушинского, написал книгу: «Человек как предмет познания» (1968). Будучи участником блокады Ленинграда, он убедился, что выстояли, выжили только те, кто сохранил в себе Человека, хотя смертельный холод, голод, страх могли превратить в животное самых сильных людей. Все то же самое описал узник концлагерей Виктор Франкл («Человек в поисках смысла». 1990.), видевший, что массово деградировали и гибли именно те несчастные, которые потеряли человеческие черты под давлением голода, страха, издевательств. Все перенесли и выжили не самые физически сильные и здоровые люди, а самые человечные. Не стоит преувеличивать ужасы современной российской жизни, но когда в конкуренции за деньги, клочок земли, квадратный метр, парковку некоторые теряют человеческий облик, то фактически они внезапно превращаются в животных, не ведающих, что творят? Это национальная проблема России покруче, чем утрата денег Автоваза и других на Кипре. Эту проблему надо решать, не удовлетворяясь запрещением мата на ТВ, ограничений на продажу табака и др.

Человек. Еще в 1638 году Ян Амос Коменский – «Коперник воспитания», писал в своей «Великой дидактике» (1901), что: «Человек есть последнее, совершеннейшее и превосходнейшее создание». Но он станет Человеком, если будет: 1. *Мудрым* («истинная мудрость заключается в безошибочном суждении о вещах: чтобы каждую из них считали за то, что она есть, чтобы не гнались за пошлым, как бы за бесценным, и не отвергали драгоценного, как пошлого, не хулили достойного похвалы и не хвалили достойного порицания. Это корень всякого рода ошибок и заблуждений»), 2. *Умеренным* («Золотое правило: ничего сверх меры, т.е. никогда не доходить до пресыщения и отвращения. ...при приеме пищи и питья, во сне и бодрствовании, в работах и играх, в разговоре и молчании»). 3. *Мужественным* («...привычка поступать во всем обдуманно, ничего не

делать под влиянием страсти или в порыве. Человек – существо разумное, поэтому он должен привыкнуть руководствоваться разумом, ...чтобы человек был действительно господином своих действий»). 4. Справедливым («... никого не оскорбляя, каждому отдавая должное, избегая лжи и обмана, показывая себя исполнительным и любезным.»).

Многие скажут, что это известно каждому грамотному человеку, но я напомню, что именно этого не знали и не умели 896 российских школьников, которые покончили жизнь самоубийством в 2011 году. (Информация по этому году засекречена). Они прыгали с крыш, травились и вешались не из-за математики, а от неумения чувствовать себя Человеком и действовать, как полагается Человеку. Вот тут и зарыта тайна воспитания Человека: знать – не значит так поступать. Взрослые сами часто этого не знают и не умеют, когда ведут себя, как нелюди: ревнивый отец выкидывает своего ребенка из окна; людоед съедает своего друга; жена заказывает убийство своего мужа; чиновники выводят из страны в офшоры половину российского бюджета; нувориши скупают по всему свету все, что там никому не нужно; а поля зарастают сорняками, и заводы закрываются, и работы нет для нового поколения мальчиков и девочек в собственной стране!

Школа, несомненно, будет решать свою задачу по формированию Человека, как бы ее не модернизировали. Школа – это древнейшая корпорация, которая переживет всех, кто вмешивается в ее жизнь. Такая же корпорация, как армия, или МВД, или университет, как бы не меняли их состав и организацию. Я живу около хороших школ, и каждый день мимо моего дома туда идут вереницы прекрасно одетых, сытых, веселых, ухоженных и явно любимых детей. По их лицам, гаму, движению нельзя сказать, что они воспринимают школу, как тюрьму. Но исключения бывают там, где утрачена культура воспитания Человека, из-за того, что не хватает квалифицированных педагогов. Очень важно понимать, что перевод знания признаков Человека в реальное поведение Человека – задача высшей категории сложности. Формирование Человека из новорожденного – самая трудная задача, которую решает общество. Эта задача тысячекратно труднее создания ядерной бомбы или космической ракеты. В педагогике малейшая ошибка, и вместо защитника Отечества получается бандит. Решают эту задачу весьма скромные воспитательницы яслей, детских садов, учителя школ, которые сегодня поставлены в положение «социальных паразитов», не приносящих прибыли. Словно они не формируют Человека для страны, а «оказывают услуги», самые дешевые в государстве. Хотя без их труда не будет ни солдат, ни ученых, вообще, ничего не будет.

Педагогические признаки Человека. Педагоги знают, что стать Человеком и быть Человеком очень трудно. Человеком становится не тот, кто знает, как им быть, а тот, кто

реально совершает поступки, делающие его Человеком. Любой педагог знает, что Человек, как его понимали Коменский, Лейбниц, Герbart, Ушинский, Ананьев, Франкл и многие другие имеет всего четыре признака. Первый признак Человека – это его способность любить других людей (желать им добра, как самому себе), любить свою Родину, профессию, и др. В 13 главе «Первого Послания Павла коринфянам» любовь кратко и точно описана, и ни один великий писатель или философ не смогли добавить к списку из 16 признаков любви ни одного нового. Счастье от любви испытывает тот, кто любит, а не тот, кого любят. В отсутствии любви в человека вселяется страх, и она заменяется ненавистью, которая превращает его в животное. Его жизнь теряет смысл. Второй признак Человека – способность вселять в людей веру в жизнь, когда кажется, что всему пришел конец. Обладание верой в ценность, которая находится вне самого человека, делает его нужным людям, и такой человек никогда не будет одиноким. Только люди, обладающие верой, становятся личностями. Неуверенные, сомневающиеся, как минимум, будут одинокими, бесполезными и никому не нужными. Третий признак Человека – способность вселять надежду в других людей в ситуации неопределенности. Источник надежды Человека – такая ясная и светлая картина мира, которая позволяет ему не только безошибочно ставить цели жизни, но и «прокладывать маршрут» движения к этой цели для себя и для других. И четвертый признак Человека – это способность к труду, созданию потребительной стоимости - того, без чего люди не могут жить. Человек – это тот, кто кормит, обогревает, защищает, успокаивает, учит, других людей, когда они сами этого делать не могут. Человек способен к труду в том случае, если он может преодолевать отрицательные состояния, возникающие у него в процессе расходования рабочей силы: утомление, напряженность, стресс, монотонию. Только тогда школьник становится Человеком, когда взрослеет так, что начинает кого-то нуждающегося реально кормить, лечить, обогревать.

А самое главное: только Человеку доступно счастье, как переживание полноты своего бытия, связанное с самоосуществлением. И родители, и учителя хотят вырастить Человека счастливого, потому что только Человека любят, и только Человек умеет любить, и только Человека любит жизнь. Грубее, без сентиментальностей, более всего родители озабочены защитой своего ребенка от агрессии, которой все более пропитывается конкурентная среда современной жизни. Так вот, человечность выполняет такую же функцию защиты от агрессивной среды, какую играет скафандр водолаза, защищая его от воды, давления, давая ему воздух, тепло, связь и др. Игра стоит свеч.

Оппоненты. У этой точки зрения есть оппоненты. Они утверждают, что счастье – это химическая реакция, проходящая в нашем организме при непосредственном участии гормонов. С их точки зрения, если хочешь ощутить счастье – «нагони» норадреналин, радость – эндорфин. Если надо улучшить настроение – серотонин, не хватает энергии – тироксин, хочется испытать удовольствие – окситоцин, нужно помечтать – допамин, надо стать привлекательным – вазопрессин, требуется подстегнуть мышление – ацетилхолин и т.д. Если встать на такую точку зрения, то в список надо включить наркотики, алкоголь, секс, что и делают многие, так не увидевшие человеческой жизни и не пережившие человеческого счастья. Это точка зрения главных врагов детей, родителей и педагогов, потому что за такой физиологической интерпретацией Человека следует, как смерть с косой, ненависть, отчаяние, одиночество, преступления, и гибель того, в которого были вложены все силы, все ресурсы, все возможности родителей и педагогов.

Разговор о Человеке всегда ведется «высоким стилем», как он этого заслуживает. В свое оправдание напомню, что в 1903 году Максим Горький написал эссе «Человек», который начинается так *«...В часы усталости духа, — когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, — когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, — в тяжелые часы усталости духа я вызываю перед собой величественный образ Человека. Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперед! и — выше! трагически прекрасный Человек!...»* и далее десять страниц, до стиля которых этой статье далеко.

А заканчивает свое эссе о Человеке М.Горький так: *«Вот снова, величавый и свободный, подняв высоко гордую главу, он медленно, но твердыми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним — пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди — стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его».* Это он написал о наших малышах, которые сегодня ожидают встречи со школой в первом классе, и о молодых людях, которым предстоит сдать ЕГЭ и шагнуть в реальный мир. Какими они будут? Что их ждет? К чему мы их подготовили?

(О том, чему в школе учат, какая жизнь их ожидает – в следующей статье.)
